

Галина Романова

ВОЗВРАЩАТЬСЯ –
ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Возвращаться — плохая примета : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-230062-2

Бывший оперативник Арина Воробьева мечтала насладиться покоем и тишиной в домике в деревне и отдохнуть от тяжелой работы. Но даже здесь ужасающая реальность настигла Воробьеву. В одну из ночей погибла ее соседка Алла. Арина уже участвовала в расследовании подобного преступления с характерными следами и уликами, но тогда маньяк был пойман и отправлен в колонию строгого режима. Арина пыталась доказать всем, что за решетку попал невиновный, но ее просто не стали слушать. И вот теперь Арине приходится убедиться в собственной правоте. Маньяк продолжает убивать и оставлять на телах своих жертв странную метку смерти – кровавый ромб в области сердца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230062-2

© Романова Г.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Плотный сентябрьский туман начал красться к деревне с реки в половине третьего ночи. Сначала он ледяным облаком колыхался над остывшей водой, потом медленно поплыл к лозинкам, дальше — в гору, потом к старой заброшенной конюшне с опустевшим гнездом аиста на водонапорной башне. Добрался до крайних домов, сонно глазающих на него темными занавешенными окнами, ленивыми щупальцами обвил их. Перескочил через заросший чертополохом овраг, дрогнув едва заметно от чернеющей колючей мерзости. И, не встретив больше на своем пути препятствий, начал осторожно заливать деревню. Через час, а может и того меньше, все было затоплено стылой молочной пеленой. Настырно торчал лишь флюгер на крыше. Но туда туману было не добраться. Дом высокий, два этажа, чердак с высоченной двухметровой кровлей, а флюгер и того выше — торчит медным петухом на металлическом метровом шесте. Нет, туда не добраться.

Будто в отместку за наглую высокорослую неприступность ее дома туман в три слоя обернул ее жилище плотной непроницаемой влагой. Принялся заползать в щели, студить пол

и стены, влажно дышал на окна. Ей казалось, она слышит, как по-змеиному он шипит, пытаясь забраться к ней под одеяло. Она почти чувствовала на простынях и подушке его липкие скользкие щупальца. Она почти догадывалась, что добраться он стремится до ее сердца, колотящегося теперь в диком страхе пойманной птицей. И она точно откуда-то знала, что как только это мерзкое безликое создание дотянется до него, окутает влажной паутиной и требовательно сожмет — ей конец.

— Нет, не надо... — Ее голова заметалась по подушке, дыхание стало частым и прерывистым. — Не надо, пожалуйста! Не нада-aaa!!!

Окончательно очнувшись от своего сна, уже сидя на кровати. Обвела безумными глазами спальню. Все на своих местах, все хорошо.

Широкая кровать в центре комнаты изголовьем к простенку между окнами. Слева два добротных зеркальных шкафа, справа открытые полки со всякими нужными и ненужными вещами, часть которых покоится в плетеных ящиках из ротанга, часть просто стоит, собирая пыль день ото дня. Прямо перед ней два комода в одном стиле со шкафом и полками. Между ними большое зеркало в красивой оправе под старину, туалетный столик под ним, удобный мягкий стульчик, обтянутый шелком в тон со шторами и покрывалом.

— Господи, приснится же такое, — пожаловалась она своему отражению в зеркале.

Опасливо скосила взгляд на отраженные в зеркале окна. Там и правда плескалась пелена непроглядного тумана. Надо же, прямо как в ее сне. Но...

Но это всего лишь сон! Глупый, настырный сон, посещающий ее раз от раза либо перед бедой какой, либо перед туманом. Туман был? Был! Значит, беды не предвидится. Немного повеселев, она откинула с ног одеяло, сползла с кровати. Нашарила мохнатые теплые тапки. Потянулась к халату, брошенному через спинку маленького стульчика. Плотно запахла, одернула пижамные широкие брюки и медленно пошла вниз по лестнице в кухню.

Надо включить отопление, решила она на последней ступеньке. Хотя бы на час или два. Ночь холодной была. А утро просто ледяное, бр-рр. И еще этот туман!

Она дошла до котельной, повернула на газовой колонке ручку отопления, там сразу зашумело, зафыркало. Арина довольно улыбнулась, сейчас минут через десять по комнате поползет тепло. Можно будет снять халат, сбросить мохнатые тапки и шлепать по лаковым половицам босиком. Она сварит себе кофе, пожарит яичницу, а может, не поленится, кашу сварит. Накроет стол перед широченным кухонным окном до самого пола. Сядет чинно с вчерашними газетами, почитает что-нибудь за завтраком, включит телик, там что-нибудь услышит новенького. Одним словом, начнет свое неспешное, одинокое, безработное существование.

Вообще-то она давала себе слово, что с утра станет бегать. И даже маршрут уже проложила. От дома, минуя тротуар, по тропинке за деревню, потом мимо конюшни к лозинкам, потом вдоль берега до кромки леса, там легкая разминка и обратно тем же путем. Две недели бегала как заведенная. Местные — кто фыркал ей вслед, кто у виска пальцем крутил,

кто ворчал, что бездельничает, шла бы на ферму лучше вкалывать, там дел невпроворот, молодых теляток только-только завезли. Молодая же еще баба, в самом расцвете и соку, ну!

Арина внимания на них не обращала. Она с первого дня была здесь чужаком, для кого-то изгоем, и не хотела и не старалась ничего менять. Причем чужой она была здесь как для местных, так и для приезжих, тихонько скупивших все покосившиеся заброшенные дома и настроивших на их месте коттеджей.

Почему? Потому что не хотела никакой дружбы водить. Ни с кем. Ее все устраивало. Ее устраивало ее одиночество. Устраивало, что нет у нее тут друзей. Устраивало, что не нужно ходить в гости и у себя принимать. Скалиться в вежливых улыбках, поддерживать никчемный разговор, сплетничать при случае.

— Не хочу!!! — сказала она однажды своему зеркальному отражению, она частенько с ним беседовала. — Устала...

Сегодня она точно не побежит. Туман!

Арина подошла к огромному кухонному окну, потащила вверх римскую штору в веселую полоску и тут же невольно попятилась. Белесая туманная река, затопившая ее палисадник по самые макушки вишен, пульсировала и билась о стекла, она клубилась возле розовых кустов, которые еле угадывались теперь. Нет, ничто не заставит ее сейчас открыть входную дверь и выйти наружу. Пробежка отменяется. В туман она не выйдет из дома ни за что. Потому что она...

Потому что она ненавидела туман! Она его панически боялась, если быть честной! В туман случились все самые страшные гадости в ее жизни.

Туманными сумерками при захвате одного психопата тот ранил ее ножом в плечо. И рана-то была пустяшной, крови было очень мало, и врач шутил, что до свадьбы все заживет, но психопат ухитрился задеть какую-то жилку, и Арине пришлось потом посещать массажиста почти год. И теперь ноет ранка-то пустяшная, перед каждой непогодой ноет или в туман, как вот теперь.

Она дотянулась до отметины на плече, нырнув рукой под халат и пижамную кофточку, нежно помассировала пальцами едва заметный шрамик от ножа. Тут же вздохнула, вспомнив, что куда более заметная отметина осталась в ее душе после одного туманного утра.

Тем утром, летним, теплым, долгожданным, потому что выдался, наконец-то, отдых и они толпой укатили на рыбалку, она потеряла Ваньку. Милого, любимого, надежного и такого родного, что дышать старалась с ним в унисон, так он был ей дорог. А вот потеряла, и все!

Нет, его не сбила машина, не достала рука преступника, он не оступился и не шагнул с крыши. Он просто ушел из палатки с удочками, поцеловав ее, сонную. Шепнул еще, перед тем как уйти, чтобы она спала и не беспокоилась ни о чем. Что она должна выспаться, что с него уха, что носа ей из палатки высовывать незачем, на улице туман и немного сыро. Да! И еще там были комары, добавил он. Огромные, сосущие кровь и переносящие инфекцию. Она что-то пробормотала ему в ответ, что-то благодарное и милое, и тут же уснула. А проснулась от страшных криков и грохота.

Орали, казалось, все! Женщины взвизгивали, мужики матерились, кто-то сновал мимо ее палатки, задевая и кольхая ее. Гремела алюминиевая посуда, билось какое-то стекло. Ничего не понимая, Арина расстегнула молнию на палатке и полезла головой вперед на улицу.

Народ взял в круг небольшую полянку, над которой они вчера пытались натянуть волейбольную сетку, но та, зараза, запуталась, терпения ни у кого не хватило, и затею оставили. Сейчас на этой полянке катались клубком двое. Они рычали, пытели, ругались матом. И что самое удивительное, их никто не пытался разнять.

— Что здесь происходит? — Арина раздвинула чьи-то спины, выглянула. — Ванька?! Что происходит?! Вы что, с ума сошли??? Прекратите немедленно!!! Сашка!!!

Дрались, именно дрались, а не шутивно возились, потому что морды у обоих были уже в крови, ее Ванька и Сашка Перцев, приехавший на рыбалку со своей бывшей женой, с которой будто бы пытался заново все начать, отношения в смысле.

— Вы что делаете?! Господи!!!

Она орала и носилась, хватая наблюдающих мужчин за руки, как дура заполошная. Пыталась тормозить женщин, но те, пряча глаза, уходили в сторону. Бывшая жена Перцева — Инна стояла в стороне в слезах.

— Инка? Что происходит? Почему они дерутся?! — подлетела к ней Арина. — Почему их никто не остановит?!

Инна глянула на нее затравленными глупыми глазами и тут же, отвернувшись, ушла в свою палатку.

— Господи, ну не за пистолет же мне хвататься!!! — заорала тогда, снова вернувшись на площадку, Арина. — Мужики, прекратите, а то стану стрелять!!!

Пистолет у нее был при себе всегда, не боевой, газовый, и разрешение, соответственно, на него тоже имелось. Об этом присутствующим было известно. Кого-то, наверное, пробрала ее угроза, тот подтолкнул еще кого-то, тот по цепочке еще, и минуты через три дерущихся разняли.

Их развели в разные стороны, и они стояли там, шумно выдыхая и нервно ухмыляясь друг другу.

— Ванька, что случилось? — Арина тронула огромный синяк у любимого под глазом. Погладила опухшую щеку. — Вы с ума сошли, что ли?!

Он ее не слышал. Он ее не видел. Он смотрел поверх ее головы на Перцева и все так же криво скалился.

— Да, Ирка, да, спроси у него, чего это он?! — заорал вдруг за ее спиной Сашка. — Спроси, с какой такой блажи он решил трахнуть мою Инку?! Ему что же, суке, тебя мало?!

Сначала она не поняла, что Сашка выкрикнул. Сначала она вдруг очень резко и отчетливо почувствовала, что стоит голыми ногами в чем-то отвратительно холодном и влажном. Опустила глаза. Туман, к тому времени немного осевший, окутал ее ноги почти по щиколотку.

Арина резко подтянула к коленке сначала одну ногу, потерлась пяткой о спортивные штаны. Потом то же самое проделала со второй ногой. Помогло мало. Ноги озябли так, что ее начало колотить, пальцы на руках свело, зубы застучали.

Ну а потом и сердцу досталось. Это когда до нее дошел смысл Сашкиных слов.

— Что он твою Инку, Саш?! — просипела она, подобравшись к одному из соперников вплотную и ухватив его за оторванный воротник клетчатой рубашки. — Что он ее, Саш?!

— Ничего, отстань, Ирка! Лучше уйди! — Он неучтиво оторвал ее руку от своего воротника, отступил на пару шагов, потом махнул рукой в Ванькину сторону: — У любимого своего спроси, кто позволил ему чужих баб трогать?! На рыбалку он пошел, паскуда! С вечера договорились, да??? Ответь мне, сука, с вечера, да???

И он бы снова сошелся с Ванькой в поединке, но им не дали. Кто-то из мужчин подхватил Сашку под руку и потащил с поляны. Да и Ванька поспешил укрыться в палатке. Арина вползла туда следом. Встала на коленках у входа, спиной на улицу, оставилась на любимого непонимающими несчастными глазами.

Ей казалось тогда, что глаза у нее именно несчастные, потому что несчастной она была вся. Это отвратительное несчастье грызло ее изнутри с такой силой, что болели все внутренности. И что характерно: засыпала-то она счастливой и любимой, а вот проснулась несчастной и отверженной.

— Я тебя не отвергал! — возразил Ванька, когда Арина выдала ему это вслух. — Я просто... Я просто запутался, Ариша! Прости, ну!

— Запутался в чем? В рыболовных снастях? — хихикнула она вдруг, потянулась к нему и как вдарит в то самое место, где вздувался красавец синяк. — Это тебе за неуме-

ние врать. Это за подлость. Это за... За предательство! Убирайся...

— Арина! Ариночка, прекрати, ну чего ты, а?! — начал ныть Ванька, с трудом уворачиваясь от ее метких, сильных ударов, она же профессионально била его, не просто так, она же заниматься в зал ходила минимум раз в неделю. — Ну, ошибка вышла, малыш! Я прощу прощения!!! Больше такого не повторится, поверь!

— Конечно, не повторится! Со мной никогда в жизни! Убирайся!!!

Жалела ли она потом о своем решении? Считала ли его поспешным, скоропалительным даже? А черт его знает! Может, и жалела, когда тосковала по Ваньке, когда скучала по его рукам. Но возвращать его и уж тем более прощать она не собиралась точно.

Сейчас он женился... на Инне Перцевой, вот так. И по слухам, они ждут ребенка. И все по тем же слухам, ей Ванька тоже изменяет. И что еще интереснее, слухи эти ей приносит Сашка Перцев.

Повадился, знаешь ли, к ней на выходные приезжать. Без приглашения, без ничего. Подкатывает на машине к забору. Выбирается с лентой такой, характерной только для него, с хмурой неулыбчивой мордой, без лишних телодвижений распахивает ее ворота, загоняет машину во двор вплотную к гаражу. Достает из багажника всякую ерунду рыбацкую и, забыв поздороваться с хозяйкой, уходит на реку. Возвращается ближе к обеду, когда с рыбой, когда без, вечно голодный, вечно злой. Заходит без стука в ее дом. Садится за ее стол,

начинает есть ее обед, смотреть ее телевизор, читать ее газеты, листать ее журналы. При этом по кастрюлям он лазает сам, ни разу не попросив налить ему борща или положить мяса. Сам! Все сам! И все почти молча. Наестся таким вот образом, посидит, посмотрит телик, почитает, может даже подремать в кресле. Потом поднимается, выходит во двор, не забыв все же буркнуть перед этим «Пока», и уезжает.

Сначала она удивлялась, потом молча бесилась, потом привыкла и даже стала ждать его приезда, хотя за все время они друг другу сотни слов не сказали.

Сегодня было с утра что? Сегодня была пятница. Стало быть, Сашка завтра приедет. И хорошо, и ладно. Она даже повеселела, и туман, медленно оседающий за окном, уже не так тревожил. Завтра Перец приедет, что-нибудь, глядишь, и расскажет интересненького, может, снизойдет и совета попросит. Она любила советы давать. Это у нее неплохо получалось.

Надо приготовить ему что-нибудь такого...

Арина обернулась к холодильнику. Кажется, у нее курица была заморожена. Огромная, домашняя, всученная ей за четыре сотни соседкой. Надо достать, разморозить и с утра запечь в духовом шкафу. Сашка Перцев обожал курятину. В любом виде, кроме замороженного, конечно.

Курицу она достала из морозильника. Поставила сковородку на плиту, разбила о край два яйца, выплеснула их из скорлупок, понаблюдала, как, схватываясь, белеет в горячем масле белок. Щелкнула кнопкой на кофейной машине, подставила чашку. Не станет она варить кашу, нечего себя обманывать, аппетита нет вообще.

А все туман! Все он изгадил! Даже теплеющий с каждой минутой воздух не помогал, по позвоночнику настырно ползли мурашки. Прямо в самом деле как перед бедой большой. Арина поежилась, сняла сковороду, наклонила, яичница послушно соскользнула в тарелку. Щелкнула тумблером, и в чашку потекла кофейная дымящаяся струйка. Поставила завтрак на стол, села, время от времени косясь на седые туманные космы за большим окном — кажется, редеют, редеют. Сейчас бы солнышку выйти, оно бы вмиг вонзило свои лучи частым гребнем в эту косматую седую шевелюру.

Арина села за стол, потянулась к газете, но потом отмахнулась. Господи, все слышала вчера по телевизору. Что можно нового прочесть?

Пока ела, пила кофе, в доме так разогрело, что сделалось душно. Она стряхнула с плеч халат, оставив его на спинке стула, пошла снова в котельную, перекрыла отопление. Вернулась в кухню, порадовалась виду из окна — палисадник после тумана стоял чистенький, умытый, повернула ручку, потянула на себя оконную створку, намереваясь выйти на улицу подышать сентябрьской свежестью, и только шагнула на уличную плитку, как ее накрыло диким воем.

Выла женщина. Страшно выла, по-звериному. Понять ни слова было невозможно, а она что-то выкрикивала, это точно. Арина поежилась, вернулась, снова влезла в халат, машинально сунула мобильник в карман и опять поспешила на улицу. Успела лишь переобуться из домашних лохматых тапок в уличные — она их всегда держала в палисаднике прямо под кухонным окном, как вой тут же повторился.

— Уби-ииии!!! — отчетливо слышалось теперь. — Голубу мою убили-ииии!!! Оо-ооо-ооох, господи-ииии!!! Как же это-то а-ааа!!! Уби-ииии!!!

Те самые мурашки, от которых ее знобило даже в теплом доме, сделались сразу огромными, забрались под мышки, вздулись под лопатками, придавили хребет и вползли в горло.

Нет! Господи, сделай так, чтобы эта баба, которая голосит, ошибалась! Чтобы никто никого не убивал, чтобы все были живы-здоровы. И чтобы... и чтобы голубой той самой вдруг оказалась стельная телочка, а по ним тут тоже могли голосить, кормилица ведь.

Господи, сделай так!!!

Арина не помнила, как добежала до калитки в высоченных добротных воротах, как выскочила на улицу, как помчалась на крик. Вот как бесилась, помнила отчетливо. Бесилась, что длинный халат путается в ногах, что садовые тапки скользят по мокрой от тумана траве и норовят соскочить. Еще бесилась, вспомнив, что не расчесалась толком и волосы теперь торчат на макушке туалетным ершиком. И туман еще...

Господи, этот чертов туман так до конца и не выполз из щелей между домами. Она его ненавидела. Ведь так и знала, что что-то в туман такой случится. Неспроста тот пеленал деревню всю ночь, неспроста.

Добежала, наконец.

Оказывается, орала Митина Вера. Орала так, что вокруг ее дома собралась, кажется, вся деревня. Народ стоял, плотно сдвинувшись телами, и молча наблюдал за Веркиными беснованиями. Пока Арина, толкаясь локтями в спины и бока,

лезла вперед, она сообразила, что орет Митина не просто так, а по причине весьма веской.

Во-первых, женщиной была серьезной, неистеричной, непьющей и верующей. Во-вторых, у Митиных не имелось коровы. И голубой могла быть...

— О нет, только не это!!! — простонала Арина, вспомнив про Веркину дочь Аллу. — Только не Аллочка!!!

Аллочка вернулась в деревню год назад после неудачного замужества. Тихая, милая, спокойная женщина двадцати семи лет. Арина впервые столкнулась с ней в магазине через пару месяцев после ее возвращения. Подивилась модельной внешности, кивком поприветствовала и забыла о ее существовании через пять минут. Через полгода вспомнила. Это когда к Новому году ближе в деревню явился Аллочкин бывший муж и устроил скандал с пьяной дракой в кафе. Потом снова забыла о ней и о муже ее чокнутом. Вспомнила снова, встретив ее на деревенском пляже с молодым мужчиной. Оба были в одежде, сидели на полотенцах вдали ото всех отдыхающих и, как показалось Арине, говорили о чем-то неприятном. Потому что мужчина все время хмурил брови, говорил с надрывом, а Аллочка кусала губы и, кажется, плакала. Глаза потом у нее были красными, вот.

Потом Арина уезжала отдыхать, вернулась в конце августа. Ни с кем особо не говорила, и про Аллочку Митину, и про ее сердитого мужчину и чокнутого мужа не знала вообще ничего.

И вдруг этот страшный вопль...

— Что случилось? — спросила Арина, прорвавшись наконец к забору дома Митиных. — Почему она так орет?

— Верка-то?

Стоявший сбоку мужик средних лет в широченных шортах и полосатой майке показался Арине знакомым, только вот где и когда она могла его видеть, она вспомнить никак не могла. Деревенский, одним словом.

— Верка, Верка, — закивала она с раздражением. — Чего голосит?

— А случилось что-то у Митиных-то, уже и милиция приехала, — меланхолично отозвался мужик. — Не пускают никого и не выпускают.

За забором, достаточно высоким, кто-то сновал и бегал туда-сюда, Верка выла где-то за домом, кто-то даже отдавал какие-то распоряжения. Помимо Веркиных воплей слышались еще чьи-то всхлипывания. Арина подошла ближе. Ухватилась за край доски, покрашенной в зеленое, и подтянулась.

Да, милиция была в лице участкового — молодого малого из города. Тот стоял подбоченившись посреди двора — в форме, но без фуражки. Его округлившиеся от ужаса глаза смотрели, не мигая, перед собой. Он не двигался, не отвечал на вопросы Митина-старшего, размахивающего у него перед носом руками, видимо, он размышлял. Кроме него и Митина-старшего, во дворе топталась мать Веры, сгорбившаяся от горя и без конца сморкающаяся в платок. Ее племянница и муж племянницы. Вера продолжала выть за домом.

— Эй, лейтенант, — требовательно позвала его Арина. — Что стряслось?

Лейтенант очнулся от дум, глянул на нее, тут же посуровел.

— Гражданка, отойдите от забора! — рявкнул он, потом повел взглядом вокруг себя и заорал еще громче: — И вообще, всех посторонних прошу удалиться, ну!!!

— Это кто посторонний, я??? — засипел Митин и схватил парня за рубаху на груди. — Я посторонний??? Это ты, мать твою, ни хрена не свой тут! Чего молчишь и столбом стоишь?! Чего ничего не делаешь?!

— Пусти! — Лицо участкового сделалось томатным, он схватился за громадный митинский кулак, попытался вырвать клоч своей рубахи, зажатой в нем, не вышло. — Пусти, ну!!!

— Пацан ты! Пацан желторотый! — заорал вдруг Митин, и его широченные, в сажень, плечи заходили, заплясали от рыданий.

— Василий Николаевич, — позвала его Арина, стараясь утихомирить свое сердце, полное безобразных предчувствий. — Василий Николаевич, что стряслось?

Тот немедленно затих, медленно повернулся, поднял на нее сморщившееся от боли лицо. Потом вдруг встрепенулся, узнав ее.

— Арина Степановна! Господи, как хорошо, что вы здесь, — ахнул Василий Николаевич, поспешил к калитке, распахнул ее. — Входите, ради бога, входите! Хоть вы-то здесь, господи!

Митин знал, кем она была раньше, потому что рыбу удил частенько вместе с Перцевым. И тот как-то проговорился, что работал с Ариной в одном отделе, пока ей в голову моча не ударила — так ведь и сказал, мерзавец, — и она не уволилась, не доработав до пенсии всего-то ничего. Потом Перец вернулся с рыбалки, сел за ее стол и покаялся между второй

и третьей ложками борща, что сдал ее односельчанину. Но сдал по-хорошему, с похвалой и даже лестью, — конец цитаты.

Так что Митин знал, что Арина была оперативником номер один в их отделе и что никто не мог лучше ее след брать, разве что Факел.

— Спасибо, гад, — скривилась после похвалы Перцева Арина.

Факелом была их разыскная собака.

— Он никому не скажет, Ир, — утешил тогда Перцев, добив глубокую тарелку борща в рекордное время. — Так что сохранишь ты свое инкогнито. Никто не покусится, поверь.

Рассказал или нет Митин про нее остальным, оставалось для Арины тайной, но после той рыбалки народ вдруг стал с ней здороваться несколько учтивее и даже очередь в магазине уступать. Хотя вот утренних пробежек ей все равно не простили.

Арина прошла вдоль забора, вошла в калитку.

— Что стряслось, Василий Николаевич? — Она взяла Митина за локоть. — Что за беда?

— Аллочку, голубушку... — начал он говорить, но губы задрожали, голос предал. Митин закашлялся, ухватил щепотью глаза, закончил задушенно: — Убили ее, Арина Степановна. Убили!

— Господи! — ахнула она совсем не профессионально и совсем по-бабьи за грудь схватилась. — Как же так?! Как же?!

— Идите туда, сами смотрите, я не могу. Верку... Верку бы оттащить. Вцепилась в дочку-то и не уходит...

Он согнулся пополам, осел на землю и разрыдался в голос, ухватившись за голову обеими руками.

— Лейтенант, идемте, — приказала Арина, забыв, что не при должности теперь и в звании в запасе. — Доложите, что там? Быстро, в двух словах!

Тот неожиданно послушался. Пошел за ней следом и, кажется, даже не удивился, что ему приказывает лохматая непричесанная баба в пижамных штанах, широком теплом халате и сланцах на босу ногу.

— Убита Митина Алла, — проговорил он, когда они сделали только пару шагов.

— Характер ранений?

— Не смог разобрать, мать не дает, но, кажется, ножевое.

— Кто обнаружил тело? Мать?

Дошли до угла дома.

— Мать, — кивнул лейтенант, учтиво отодвигая от ее лица ветки сирени. — Она встала на работу, видит, Алла сидит на скамейке спиной к дому и не шевелится. Сидит в той же одежде, в которой вчера была. Она подошла, тронула ее за плечо, Алла завалилась лицом в землю. Мать кинулась к ней, перевернула, а там... Дальше вы догадываетесь, что было.

Арина кивнула и набрала полную грудь воздуха — они подходили к тому углу, за которым все и случилось. Сейчас произойдет то, от чего она сбежала. Она сейчас окажется на месте преступления. Столкнется нос к носу с родственниками. И должна будет оставаться безучастной, разумной и холодной.

Она должна быть именно такой, а не слезливой размазней, которую тошнит от вида трупов и крови. Которая задыхается от чужого горя. И которая не может отдать под суд кого ни попадя, только чтобы не портить отчетность.

Резко выдохнув, Арина зашла за угол.

Алла лежала на траве, на которую уже кто-то постелил одеяло. Мать стояла перед ней на четвереньках, раскачивалась взад-вперед и выла, не сводя глаз с мертвого лица дочери. Вокруг толпилось человек пять. Кто со стаканом воды, кто с лекарствами, кто с носовыми платками.

— Затоптали все к чертовой матери, — рывкнула Арина, кажется, у нее получилось собраться. — Всех посторонних прошу удалиться. Немедленно!!!

То ли они обрадовались ее появлению, то ли перепугались, но все, кто стоял, ушли. Осталась одна Вера.

— Лейтенант, бери Василия Николаевича и лети сюда, живо!

Лейтенанта как ветром сдуло. Арина медленно пошла к телу, цепко осматривая все вокруг. Скамейка со следами крови. Трава вокруг примята. Понятно, и родственники тоже постарались. Стена дома глухая, без окон. Плодовые деревья — три штуки, заросли смородиновые по всему периметру, забор от соседей высокий. Место преступления идеальное, чтобы прийти и уйти незамеченным.

Да! Да ведь еще туман! Этот мохнатый поганец мог в чистом поле спрятать любого.

— Почему она не ночевала дома, Вера? — строго спросила Арина у матери. — Почему вы не обнаружили ее отсутствия?